

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ
УТОПЛЕННИЦА»**

Павельева А.К.,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры иностранной филологии и перевода

Полтавского национального технического университета

имени Юрия Кондратюка

г. Полтава, Украина

Мистическое пространство в повести **«Майская ночь, или утопленница»** изображено более обытовлённо, нежели в повести «Вечер накануне Ивана Купала». В «Майской ночи...» оно не насыщено чудными, сказочными элементами, а, напротив, практически ничем не отличается от реального, бытового. Данное произведение имеет много общих черт с повестью «Вий». И в одном, и в другом тексте мистическое пространство «маскируется» под бытовое, ирреальный мир в мистическое (ночное) время надевает маску реального мира и практически неразлично сливается с ним.

Мистическое пространство в повести «Майская ночь...» обрисовано автором в мрачных тонах, а его описание навеивает на читателя грустные, меланхолические чувства. Мистическое пространство вызывает беспокойство, тревогу и у героев. Так, на «старый деревянный дом», в котором некогда обитала панночка, лес «бросал <...> дикую мрачность...» и о нём, со слов Ганны, «давно, давно <...> что-то страшное рассказывали...» [2, с. 156]. Эти предания настолько давнишние, что Галя помнит их «будто сквозь сон». Издавна об этом здании ходят легенды, которые указывают на его принадлежность к мистическому пространству. Этот дом не просто стоял на

горе, но, будто живой, «дремал с закрытыми ставнями» [2, с. 156]. Поскольку окна в мифопоэтике Гоголя соотносятся с глазами, то «спящий» дом указывает на ирреальность этого пространства, закрытость для простого человека, *непринадлежность* к реальному (бытовому) пространству. Окно – это граница между двумя мирами. Поэтому неслучайно именно в окне этого «проснувшегося» дома появляется перед Левком панночка-утопленница, «обитательница» другого пространственно-временного измерения.

В «Майской ночи...» мрачен не только старинный дом, но и всё пространство вокруг него. Пруд перед домом сравнивается с бессильным старцем. Автор описывает его как «угрюмо обставленный темным кленовым лесом и оплакиваемый вербами» [2, с. 156]. Водная стихия в славянской мифологии всегда считалась подвластной нечистой силе. В недрах прудов, озёр и рек, по преданиям, скрывались таинственные, опасные, враждебные человеку существа. Вода также представлялась проводником в другой мир. Именно через водную гладь Левко попадает из реального в мистическое (ирреальное) пространство и время: «С изумлением глядел он в неподвижные воды пруда: старинный господский дом, опрокинувшись вниз, виден был в нем чист и в каком-то ясном величии» [2, с. 174]. В данном фрагменте текста Гоголь использует мотив зазеркалья: в воде пруда отражается реально существующее, но чудесным образом преображённое пространство. В другом виде, нежели несколько часов назад, предстаёт перед героем отражённый в воде, будто пробудившийся ото сна, панский дом: «Вместо мрачных ставней глядели веселые стеклянные окна и двери. Сквозь чистые стекла мелькала позолота», – пишет Гоголь [2, с. 174].

Зеркальная поверхность пруда также выполняет функцию временной границы (между прошлым и настоящим), ведь отражение дома, увиденное Левком в водах пруда, очевидно, соответствует реальному дому, но в далёком прошлом. Как утверждает И. П. Мегела, нижний («нечистый») мир у Гоголя «является как бы антимиром, в нём всё наизнанку» [5, с. 20]. Ветхий, заброшенный, поросший мхом дом предстаёт перед парубком красивым, богато

украшенным, «жилым». М. Я. Вайскопф также называет это демоническое пространственно-временное измерение «симметрическим подводным царством» [1, с. 77]. Симметрические преобразования у Гоголя, как правило, служат для обеспечения герою выхода в сферу инобытия.

Гоголь указывает, что в лунные ночи утопленницы во главе с «сотниковой дочкой» выходили на берег пруда у панского дома, чтобы «греться на месяце». В мистическое, ночное время, в мистическом пространстве появляются нечистые, мифологические персонажи – утопленницы и ведьма. Панночка-утопленница – представитель другого, враждебного человеку мира. И если ей, по замечанию автора, «попадется из людей кто, тотчас заставляет его угадывать, не то грозит утопить в воде» [2, с. 158]. В пору господства тайных, злых сил пруд и близлежащее пространство – это территория нечисти, пребывание на которой опасно для простого обывателя.

Переход героя повести Левка Макогоненка в мистическое пространство-время осуществляется с помощью мотива сна и, соответственно, происходит на грани яви и реальности. «Неподвижный пруд подул свежестью на усталого пешехода и заставил его отдохнуть на берегу. Все тихо; <...>. Непреодолимый сон быстро стал смыкать ему зеницы...», – пишет Гоголь [2, с. 174]. Посредством мотива сна автор избавляет героя от неизбежной «расплаты» за проникновение в inferнальный мир. Н. П. Иванова указывает, что Левко полностью не пересекает границы потустороннего пространства, поскольку это означало бы его гибель [3, с. 5].

Мистическому пространству в рассматриваемом произведении свойственна размытость, ландшафт как будто покрыт дымкой или полупрозрачной завесой, некой пространственной вуалью. Так, Гоголь отмечает, что «серебряный туман пал на окрестность», и утопленницы водили хоровод «в тонком серебряном тумане» [2, с. 174, 176]. Даже тела русалок состояли «из прозрачных облак» и светились «насквозь при серебряном месяце».

Пребывая в ирреальном мире, Левко охвачен взаимоисключающими чувствами: «какую-то сладкую тишину и тихое раздолье ощутил он в своём сердце»; и в то же время «какое-то тяжелое, полное жалости и грусти чувство сперлось в груди парубка» [2, с. 175; 176]. Левко, как и Петрусь Безродный и Хома Брут, сомневается в реальности происходящего и удивляется всему. Ему «почудилось, что окно отворилось». Автор не случайно использует именно такую формулировку.

В данном эпизоде Гоголь упоминает, что Левко, «притаивши дух, не дрогнув и не спуская глаз с пруда, <...> казалось, *переселился в глубину его* и видит: наперед белый локоть выставился в окно...» [2, с. 174]. Пространственные рамки «сужаются», мистическое пространство стягивается в узел, и находившийся на берегу Левко видит в водном отражении мельчайшие детали внешности панночки-утопленницы, а ведь дом, в окне которого она появляется, находится на горе. Следовательно, Левко должен был бы увидеть в воде огромную гору и небольшой панский дом, но он может различить даже тёмно-русые волны волос «сотниковны» и улыбку на её лице.

В рассматриваемой повести, так же, как и в «Вечере накануне Ивана Купала», ведущую роль играет художественное время, а не художественное пространство. Ночь – особенное время в данной повести. В пространственно-временной картине мира «Майской ночи...» слиты воедино время суточное, мистическое, календарное, космическое, хроникально-бытовое с пространством бытовым (реальным) и ирреальным (мистическим), реально видимым и воображаемым, близким и удалённым. Именно ночью, в таинственное, мистическое, чудесное время дом у пруда изменял свой облик, утопленницы водили хороводы, покойник с галушкой в зубах «таскался» к покойной теще виноккура и, главное, Левко Макогоненко помог панночке-утопленнице обрести покой и был вознаграждён грамотой. Суточное время в данном произведении является ведущим началом не только в мистическом, но и в хроникально-бытовом хронотопе.

Следует отметить, что сон Левка заканчивается в полночь. Полночь – апогей в деятельности нечистой силы, время, которому приписывалась особая мистическая значимость. Примечательно, что как раз в это время бесы только начинали шалить. То, что Левко «разминулся» во времени с «нечистью», подчёркивает его безгрешность, бескорыстность. В отличие от Петруся (героя повести «Вечер накануне Ивана Купала»), который в полночь отправился искать сокровища, Левко расстался с утопленницами до полуночи. Таким образом, читатель может быть уверен в чистом и безмятежном счастье Левка и Ганны (в противовес добытому «нечистыми» способами благополучию Грицька и Параски или Петруся и Пидорки). Настоящее время как бы предвещает героям счастливое будущее. Более того, мистические события, в гуще которых оказался Левко, по замыслу автора, способствуют воцарению всеобщей гармонии в конце повести (как в бытовом, так и в мистическом пространстве): панночка-утопленница после многолетних поисков наконец нашла ведьму; возлюбленные получили возможность воссоединиться; голова радуется предполагаемому визиту комиссара; в селе «все погрузилось в сон», а «Месяц так же блистательно и чудно плыл в необъятных пустынях роскошного украинского неба...» [2, с. 180].

Фоном для развёртывания бытовых и мистических событий в данной повести является социально-историческое время первой половины XIX века, много лет спустя после поездки Екатерины Великой в Крым, когда сельский голова был выбран в провожатые. Очевидно, это случилось довольно-таки давно, так как автор отмечает, что «это время вряд ли кто мог запомнить из целого села» [2, с. 161]. То есть, как верно подметил А. С. Киченко, в сознании гоголевских рассказчиков это мифологическое время [4, с. 57].

Итак, в рассматриваемой повести Н. В. Гоголя сюжетобразующие функции выполняются социально-историческим, мистическим, мифологическим, суточным, календарным временем, мистическим, земным и водным пространством, а также мотивами сна, окна, зазеркалья.

Литература

1. Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя : Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993. 592 с.
2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : [В 14 т.]. Т. 1. Ганц Кюхельgarten ; Вечера на хуторе близ Диканьки / АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; гл. ред. Н. Л. Мещеряков ; ред. : В. В. Гиппиус (зам. гл. ред.), В. А. Десницкий, В. Я. Кирпотин, Н. Л. Мещеряков, Н. К. Пиксанов, Б. М. Эйхенбаум. [М. ; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937 – 1952. 556 с.
3. Иванова Н. П. Символика зеркала в творчестве русских романтиков (на примерах творчества Н. В. Гоголя и В. Ф. Одоевского). Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Літературознавство. Х. : ППВ «Нове слово», 2011. Вип. 1(65). Ч. II. С. 3 – 9.
4. Киченко А. С. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя : мифопоэтическая организация пространства. Нові гоголезнавчі студії. Сімферополь : Кримський Архів, 2005. Вип. 2 (13). С. 55 – 64.
5. Мегела И. П. Человек и мир в творчестве Н. В. Гоголя. Нові гоголезнавчі студії. Ніжин : ТОВ «Видавництво «Аспект Поліграф», 2007. Вип. 5 (16). С. 19 – 32.